

Д.Г. Савинов

Минусинская провинция Хунну.

(По материалам археологических исследований 1984-1989 гг.)

// СПб.: 2009. 226 с. ISBN 978-5-904247-18-8

Глава V.

Тесинские «лабиринты».

На фоне рассмотренных выше инноваций в погребальной практике и в материальной культуре, прослеживаемых по материалам тесинских грунтовых могильников, особенно ярко проявляется своеобразие изобразительной деятельности тесинцев, свидетельствующая об иной системе знаковых обозначений, особенностях мифологии и т.д. На стелах и отдельных каменных плитках в это время появляются различного рода геометрические рисунки, которые в целом можно определить как художественный стиль «идеограмм».

До этого, на протяжении нескольких веков от начала тагарской культуры до её завершения, в Минусинской котловине существовала изобразительная традиция, основанная на передаче антропоморфных и зооморфных персонажей, выполненных с различной степенью реалистичности и чаще всего образующих связанные композиции. Некоторые из тагарских зооморфных изображений представляют собой

прекрасные образцы скифо-сибирского звериного стиля. Многочисленные рисунки такого рода нанесены на скалах Енисея (Советова, 2005а) и на каменных плитах, установленных в оградах курганов тагарской культуры (Савинов, 1976). Материалы последних позволили проследить развитие стиля минусинских изображений, в соответствии с периодизацией тагарской культуры: от раннескифского к реалистическому, от реалистического к орнаментальному, от орнаментального к схематическому (Савинов, 1994а). С началом тесинского этапа эта последовательность развития стиля оказалась нарушенной.

При раскопках могильника Есино III была открыта чрезвычайно интересная, ранее неизвестная особенность тесинских грунтовых могильников — использование в погребальном обряде каменных плиток с изображениями. Из 28 погребений плитки с изображениями найдены в 16 могилах — среди камней в наземной части сооружений, в заполнении и на дне могильных ям. Общее количество отдельных плиток с рисунками — 38. Из них четыре — с зооморфными изображениями (все из мог. 21), два — с антропоморфными фигурами (мог. 3, 4); остальные с геометрическими рисунками различной степени сложности, вплоть до весьма

(89/90) запутанных «лабиринтов» (всего 32 плитки). Аналогичные рисунки планиграфического характера выбиты на стенках каменных ящиков (мог. 3, 15). В той же могиле 15 найдена каменная стела, сплошь заполненная на одной стороне сложными геометрическими композициями, объединяющими многие мотивы, представленные на отдельных плитках (Табл. LIV). Четырёхгранная стела длиной около 1 м с многочисленными геометрическими рисунками-«лабиринтами», выбитыми на всех четырёх гранях, найдена в расположенном поблизости могильнике Арбан IV, мог. 2 (Табл. LVI). Факт одновременности (или однокультурности) каменных плиток с геометрическими рисунками из могильника Есино III с погребениями, при раскопках которых они были обнаружены, сомнения не вызывает.

Д. Г. Савинов

МИНУСИНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
ХУННУ

Все плитки с рисунками из Есино III сделаны из красного девонского песчаника, размером от 12-15 до 20-25 см; как правило, они имеют многоугольную форму и, скорее всего, обработаны (или специально подобраны) для нанесения изображений. Рисунки нанесены точечной техникой обычно на одной стороне и, если не имеется последующих сколов, не выходят за пределы изобразительной плоскости. То же самое можно сказать об изображениях на каменных плитах и стелах. На стеле из Арбана IV один из рисунков (в верхней части) переходит с одной плоскости на другую. Следует отметить, что ни количество плиток с рисунками (от 1-2 и более), ни нанесённые на них изображения не зависят от вида могильных сооружений — они одинаково найдены в «ящиках-оградах», постройках «башенного типа» и в одном случае (мог. 21) — в коллективном погребении с «платформой». Также не связаны они ни с полом погребённых, ни со степенью оснащённости предметами сопроводительного инвентаря.

Вопросы классификации и первичная интерпретация изображений на каменных плитках и стелах уже затрагивалась нами в ряде работ (Савинов, 1993; 1995; и др.). Поэтому здесь уместно повторить и по мере возможности углубить основные из высказанных в них положений.

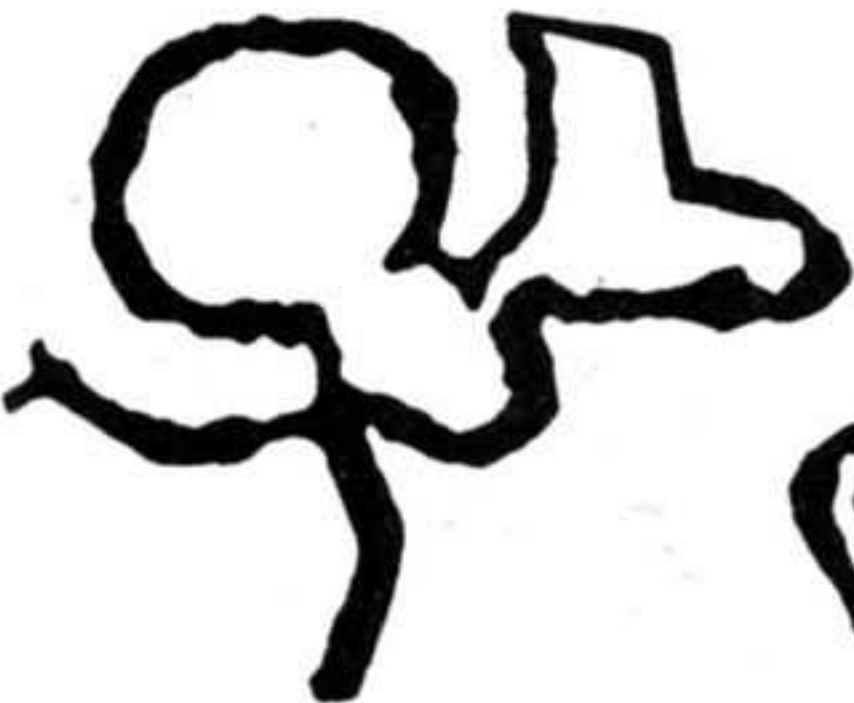
Немногочисленные зооморфные и антропоморфные изображения на плитках из могил 3, 4 и 21 представляют схематический стиль, характерный для позднего этапа развития тагарской культуры (Савинов, 1994а). На этом, видимо, реалистическая изобразительная традиция, изначально свойственная для тагарской культуры, прекращает своё существование. При этом интересно, что наиболее простые рисунки стоящих животных с четырьмя прямо поставленными ногами (Табл. XLVIII, 3, 5) как будто несут в себе элементы ещё дотагарского карасукского стиля. Возможно, это не случайно и соответствует общей тенденции «стяжения» тесинских и карасукских могильников. Не исключено также, что не все зооморфные изображения, определяемые как «карасукские», на самом деле являются таковыми. Но это не меняет общей картины развития изобразительной традиции на Енисее.

1

2

3

4

5

6

Рис. 11. Есино III. Группы изображений на каменных плитках:
1 — простые; 2 — волотообразные; 3 — противостоящие; 4 — «решётки»;
5 — «лабиринты»; 6 — планиграфические

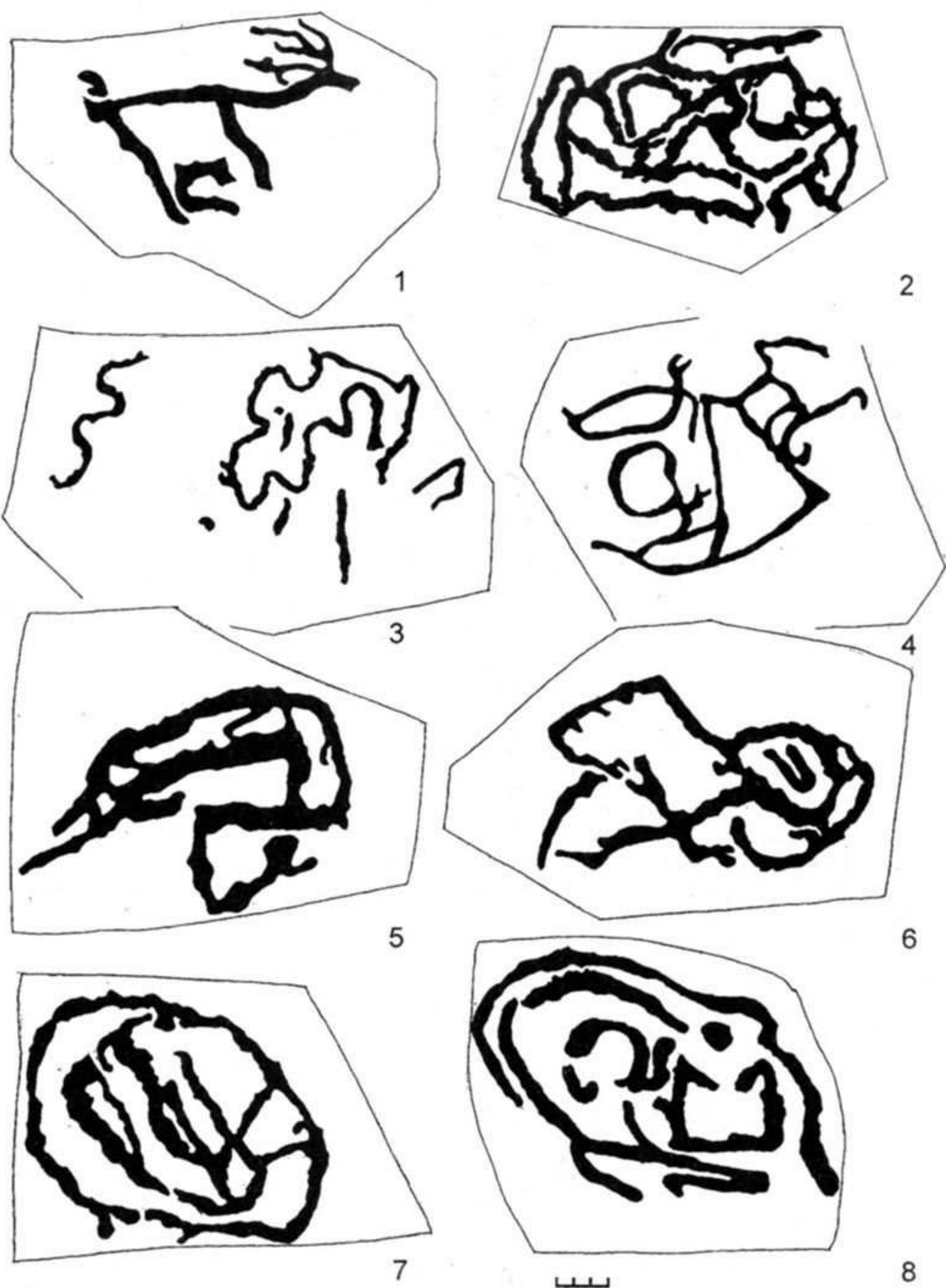

Рис. 12. Есино IV. Изображения на каменных плитках из могил за оградой склепа (раскопки Е. Д. Паульса, 1989 г.): 1 — мог. 4; 2 — мог. 20, насыпь; 3, 4 — мог. 11; 5 — мог. 23; 6 — мог. 8; 7 — мог. 7; 8 — мог. 10

Предполагаемый приток в Минусинскую котловину значительных масс населения выразился, в первую очередь, в появлении нового художественного стиля, наиболее ярко отражённого в материалах могильника Есино III. Изображения на есинских плитках представляют совершенно самостоятельную изобразительную традицию, которую, пользуясь определением Г. Кюна (1933), можно назвать «имажинативной» (т.е. сугубо образной, знаковой), в отличие от «сенсорного» (т.е. конкретно-чувственного) искусства, характерного как для тагарской культуры, так и для всего скифского времени в целом. Такая дискретность в развитии изобразительной традиции свидетельствует и о смене содержательного начала рассматриваемых изображений, а значит, и всей системы духовных ценностей, свойственных для населения тесинских грунтовых могильников.

Исходя из сложности рисунков и характера начертания геометрических фигур, они могут быть распределены на шесть групп (Рис. 11). [5]

Группа 1. Круги, круги с точкой внутри, круги с «перегородкой», отдельные S-видные, спиралеобразные и подковообразные фигуры, змееобразные и петлевидные линии, а также композиции из нескольких простейших фигур (Табл. XLIX; Рис. 11, 1). Выделение этой группы носит условный характер, так как из этих же элементов состоят и более сложные композиции.

Группа 2. В основе изображений лежат волутообразные, различным образом трансформированные фигуры с криволинейными отростками и другими дополнительными элементами (Табл. L, 5-9; Рис. 11, 2). В одном случае такая чётко переданная фигура сочетается с выбитой более крупными точками группой неясных изображений (Табл. L, 5).

Группа 3. В основе композиций лежат две противопоставленные фигуры различной степени сложности. Одна из них представляет пересекающиеся изломанные линии; другая — простую подковообразную фигуру с точкой посередине (Табл. L, 1-3; Рис. 11, 3). На одной плитке противопоставлены две полностью геометризованные фигуры (Табл. L, 4).

Группа 4. В основе изображений лежит сложная комбинация из прямолинейных и изогнутых линий, образующих своего рода «решётку». Во внешнюю сторону от них отходят изогнутые отростки и как будто обозначенные «входы», ведущие внутрь этих «лабиринтов». В одном случае показано противопоставление такой фигуры нескольким изогнутым линиям, расходящимся из одной «точки» (Табл. LI, 6; Рис. 11, 4).

Группа 5. Такие же сложные изображения из вписанных окружностей или спиралевидных фигур с внутренними «перегородками», изогнутыми отростками и «входами». Внутреннее пространство делится на ряд «отсеков», возможность сообщения между которыми обозначена несомкнутыми

(93/94) линиями (Табл. LII). С точки зрения техники исполнения, изображения на плитках этой группы наиболее совершенны (Рис. 11, 5).

Группа 6. Изображения планиграфического характера. В основе их лежат различным образом изогнутые линии, передающие плавные петлеобразные изгибы с длинными, направленными в разные стороны отростками (Табл. LIII; Рис. 11, 6).

Чёткую границу между изображениями шести выделенных групп провести трудно: одни и те же элементы в различных комбинациях «перетекают» из одной композиции в другую, образуя большее количество промежуточных вариантов. То, что все группы изображений существовали одновременно и относятся к одному семантическому ряду, показывают многофигурные композиции на плите из Есино III, мог. 15 (Табл. LIV) и на стеле из Арбана IV, мог. 2 (Табл. LVI), где представлены, взаимно дополняя друг друга и переплетаясь в сложном, почти декоративном «узоре», все элементы изображений выделенных групп.

Помимо Есино III, такие же плитки с рисунками были найдены при раскопках расположенного поблизости кургана-склепа Есино IV (раск. Е.Д. Паульса, 1989 г.). Вплотную к внешней стенке ограды здесь были пристроены 24 грунтовых погребения, аналогичных Есино III. В большинстве из них обнаружены каменные плитки с такими же, но несколько более небрежно сделанными рисунками (Рис. 12). На одной из них нанесён схематический рисунок оленя, выполненный в том же схематическом стиле, что и на плитках из Есино III, мог. 21 (Рис. 12, 1). Остальные, геометрические изображения выполнены по тем же схемам, что и на плитках из Есино III — группы 3-5 (Рис. 12, 3-8). Одно детское захоронение в Есино IV — могила 20 — было впущено сверху уже после разрушения погребальной камеры. В нем также найдена пятиугольная плитка с изображениями, нанесёнными на двух сторонах (Рис. 12, 2). Пока это единственный случай, когда рисунки были нанесены на обеих сторонах плитки, что ещё раз говорит об их намеренном изготовлении.

После открытия каменных плиток с геометрическими изображениями из Есино III оказалось, что подобные рисунки и раньше встречались в петроглифическом искусстве Минусинской котловины, но отсутствие датирующих материалов не давало возможности определить их культурную принадлежность. Чаще всего они нанесены на угловых или простеночных камнях курганов тагарской культуры, причём, как правило, в верхней (видимой) части плиты, т.е. уже после их установки. Из опубликованных материалов можно отметить такие рисунки на плитах тагарских курганов у оз. Шира (Рыгдалон, 1959. Табл. X) и на могильнике Тустух-Кель (Худяков, 1980. Рис. 2, 3); причём на одном из них показаны человеческие фигуры, соединённые с «лабиринтом», то есть выступающие с ним в одном и том же контексте (Рис. 14, 5). Похожие гравировки нанесены — «уже по-

(94/95)
сле сооружения кургана и оползания насыпи» — с внешней стороны на двух плитах ограды баиновского кургана могильника Бырганов V (Лазаретов, 1995. С. 58, рис. 6). Аналогичные рисунки включены в сложные многофигурные композиции в петроглифическом комплексе у дер. Абакано-Перевоз. По мнению автора, «это спирали и многочисленные кривые линии, очень напоминающие тесинские «лабиринты»» (Русакова, 1997. С. 102, рис. 7, 9). Среди них вновь встречается изображение антропоморфных фигур, соединённых с «лабиринтом» (Рис. 14, 2). Каменных плиток с подобными рисунками, кроме указанных выше памятников, пока не найдено. Единственный известный мне случай — плоский окатанный камень с подобным прочерченным изображением (Рис. 14, 3), найденный на поселении Усть-Парная (на севере Хакасии). Наиболее поздние материалы сборов на этом памятнике относятся к первым векам н.э. (Красниенко, Субботин, 1997. С. 53). [6]

Но, наверное, самая яркая из находок последних лет — это святилище Оргинек в междуречье Июсов, представляющее собой отдельный культовый комплекс, где в естественно образовавшейся нише (под «козырьком») находились «две наклонные плоскости, обращённые друг к другу наподобие раскрытой книги под углом 105° ... Обе плоскости заполнены изображениями, по-видимому, представляющими единую композицию» (Рыбаков, 2006, С. 160, рис. 1-3). Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что нанесённые здесь изображения относятся к тому же «идеограмматическому» стилю (Рис. 14, б). Явная последовательность расположения изображённых фигур, в том числе и находящихся среди геометрических рисунков антропоморфных, зооморфных и орнитоморфных персонажей, позволяет предполагать наиболее полную и адекватную «запись» мифологического текста. Все приведённые аналогии происходят не только из южных (Бырганов V, Тустух-Кель), но и центральных (Абакано-Перевоз), и северных (оз. Шира, Усть-Парная, Оргинек) районов Хакасии, что соответствует ареалу распространения тесинских грунтовых могильников.

Однако соответствующая подобным изображениям мифология, скорее всего, была распространена на значительно более широкой территории. Так, на другом конце восточной части Евразийских степей очень похожее на есинское изображение — противостояние всадника и «лабиринта» — было обнаружено на блоке облицовки святилища Байте III на Устюрте (Рис. 14, 1). Авторы публикации трактуют его как «культовую сценку: всадник и пеший перед лабиринтом» (Джанито, Ольховский, Самашев, Франкфор, 2000. Рис. 8, с. 17). Вероятно, можно было бы считать эти совпадения случайными, если бы те и другие не относились к одной гунно-сарматской эпохе.

Рис. 13. Петроглифическая композиция на плите из могильника Есино X

Рис. 14. Изображения «лабиринтов» в петроглифах Минусинской котловины и на других территориях: 1 — Байте; 2 — Абакано-Перевоз; 3 — Усть-Парная; 4, 5 — Тустух-Холь; 6 — Оргинек (деталь)

Наиболее сложный вопрос, возникающий при изучении тесинских «лабиринтов» — определение семантики подобных изображений. Если внимательно всмотреться в как-будто запутанные и неясные рисунки на есинских плитках, то можно уловить ряд сходных «мифологем», определяющих смысловой порядок этих изображений. Это — замкнутое (или ограниченное) пространство, переданное в виде «решётки» или спиралеобразной фигуры, с «перегородками», куда ведут открытые «входы», часто имеющие тупиковое окончание (Табл. LI). На одной из таких фигур симметрично по сторонам расположены змееобразные линии, одна из них с явно выделенной головкой (Табл. LII, 1); на другой показана змееобразно изогнутая линия, переходящая в расположенные веерообразно петлевидные фигуры, посередине которых находится крупный выделенный «глаз» (Табл. LI, 4). Противопоставление двух различных по начертанию фигур (Табл. L, 1-5) имеет явно «антагонистический» характер. Изогнутые петлеобразные линии можно рассматривать как изображение (или указание) «пути» (или «дороги») (Табл. LIII). На плите из Есино III, мог. 15 в верхней части изображены две пары соединённых между собой четырёхугольников с точками посередине (Табл. LIV), больше всего напоминающие иероглифы (знак земли, поля?).

С точки зрения семантики, несомненный интерес представляет многофигурная композиция на одной из плит тагарского кургана на могильнике Есино X. Рисунки нанесены здесь по всей внешней плоскости плиты, явно взаимосвязаны и наделены определённым внутренним смыслом (Рис. 13). В верхней части находится схематическое изображение всадника с луком и расходящимися веерообразно от головы изогнутыми линиями («корона»). В нижней и правой части представлены изображения «лабиринтов», таких же, как на каменных плитках. С ними явно связаны рисунки животных и несколько антропоморфных фигур, две из которых наиболее показательны. Одна — высокая фертообразная фигура с расставленными ногами («светлая»); другая — «тёмная», расположенная ниже приземистая фигура, отражающая ту же идею противостояния, что и изображение «небесного» всадника в верхней и «лабиринтов» в нижней части плиты. Но что означает это «противостояние» («Эрлик» — «Ульгень»), конечно, сказать трудно.

Опираясь на выделенные группы изображений, пока, на наш взгляд, целесообразно говорить не о содержании тех или иных, даже наиболее полно представленных, композиций, а о составляющих их «темах». Таких «тем», так или иначе регламентирующих сюжет, всего видится четыре.

1). Противостояние равных по начертанию фигур, как правило, отделённых друг от друга и, скорее всего, имеющих антагонистический характер. 2). Замкнутое пространство («решётки» или «лабиринты»), часто с обозначенным «входом», но не имеющие «выхода», с внутренними «перегород-

ками», создающими «тупиковые» ситуации при продвижении по этому замкнутому пространству. 3). Спирали, в общей системе знаковых обозначений соответствующие пещере, углублению, чреву, изображению «того мира», что подтверждается показом расположенных рядом змееобразных линий (змей?), имеющих охранительное значение. 4). Планиграфические изображения, отображающие, скорее всего, идею «пути» в прямом значении этого слова, как запрограммированного маршрута передвижения со всеми перипетиями и, вероятно, благополучным исходом. Каждая «тема» соответствует ситуации нахождения (или передвижения) определённого, чаще всего не видимого «лица». Поскольку есинские плитки с изображениями так или иначе связаны с погребениями, таким «лицом», в первую очередь, могла быть душа умершего человека, проходящая в процессе реинкарнации длительный и сложный потусторонний путь (Савинов, 1995. С. 28-30).

Близкое прочтение изображений на есинских плитках предложено Е.А. Окладниковой. «По внешнему виду рисунки представляют собой плоскостную модель Вселенной в одной из наиболее распространённых и древних её форм — так называемого лабиринта. Плиты с петроглифическими изображениями лабиринтов есинского могильника связаны с обрядом захоронения, и рисунки составляли часть погребального ритуала». В них «была заложена идея пути, путешествия умершего в пространстве мира мёртвых» (Окладникова, 1995. С. 193). Несколько иную трактовку предложила О.С. Советова, рассматривая их как отображение подвигов мифического героя. «Его подвиги начинаются с первого испытания — преодоления лабиринта, который обозначен в виде спирали с характерными для лабиринта перемычками-тупиками. При этом лабиринт часто ассоциируется с западней-ловушкой, способной запутать героя, погубить его» (Советова, 2005. С. 201). Наличие около некоторых «лабиринтов» антропоморфных фигур как будто подтверждает такое предположение. Однако между этими двумя точками зрения нет принципиального противоречия — так или иначе речь идёт об изображении (или преодолении) какого-то пути и достижения «цели». Поскольку есинские плитки так или иначе связаны с погребальным обрядом, то посмертное «путешествие» героя, а не его отвлечённое испытание является предпочтительным.

Сложная изобразительная символика, создание своеобразного кода наиболее значимых мифологем, несомненно, должны были закрепляться в генетической памяти определённого круга людей, исполнявших соответствующие обрядовые действия, что можно соотносить с ранним этапом персонифицированного шаманства (Савинов, 1992). Показательно, что как раз в это время первые сведения о приближённых ко двору хуннских правителей (шаньюев) шаманах появляются в письменных источниках. Именно такие люди могли быть хранителями знаковой системы обозначений, необходимой для проведения и демонстрации ритуальных действий.

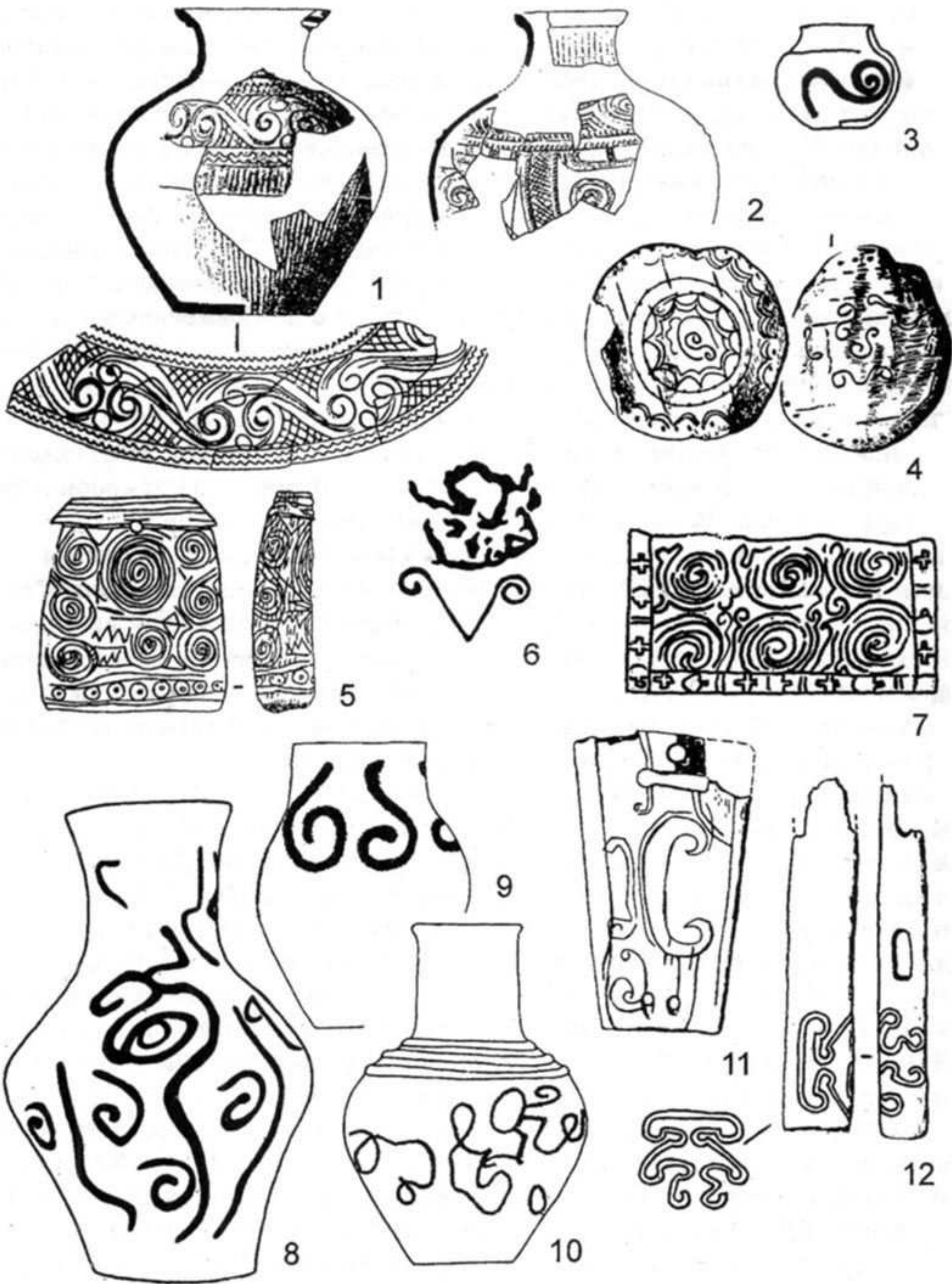

Рис. 15. Геометрические мотивы в изобразительной традиции хунну и на предметах хуннского времени

Когда и откуда мог появиться этот идеограмматический стиль? В Минусинской котловине он представляет принципиально новое явление, отличное от тагарского искусства как по стилистике изображений, так и по содержанию заключённых в них образов. Истоки этого стиля пока остаются неясными. Раньше всего подобные изображения появляются в росписях на глиняных сосудах из Горного Алтая и Тувы (Рис. 15, 8-10) (Кубарев, Слюсаренко, 1990. Рис. 1, 2; Кубарев, 1990; Суразаков, 1989. Рис. 27, 28; Семёнов, 1994; 2003. Табл. 102-103). Многие из нанесённых здесь изображений — змееобразные и петлевидные линии, волютообразные фигуры и подобия «лабиринтов» — по своим начертаниям аналогичны гравировкам на есинских плитках. Вл.А. Семёнов связывает истоки расписной керамики в погребениях позднескифского времени Саяно-Алтая с расписными сосудами из Восточного Туркестана, откуда затем она могла быть «разнесена под давлением военной экспансии сюнну» (Семёнов, 1994. С. 121). Если это так, то с исторической точки зрения это должно соответствовать времени господства хунну над этим участком Великого шелкового пути, т.е. до 20-х гг. II в. до н.э. Не исключено, что с этим направлением культурных связей может быть связано появление в Минусинской котловине многогранных сосудов и других атипичных форм ритуальной керамики, не имеющей параллелей ни в тагарской, ни в хуннской керамической традиции. Возможно, что таким путём попадали на Енисей индийские бусы (Береш), найденные также в Дырэстуйском и Иволгинском могильниках (Галибин, 1993).

Вообще изображения геометрического характера, аналогичные или весьма близкие рисункам на тесинских каменных плитках и стелах, часто встречаются на различного рода предметах материальной культуры хунну. Можно сказать даже больше — именно они составляют основу декоративного искусства хунну. Мы видим их в орнаментации глиняных сосудов (Рис. 15, 1-3); на костяных изделиях — поясных пластинах (Рис. 15, 11), псалях (Рис. 15, 12); художественных бронзах; в украшениях ковров (Рис. 15, 7) и т.д. К ним естественным образом примыкают аналогичные рисунки на костяных изделиях из Горного Алтая (Рис. 15, 5), росписи на уже упоминавшихся глиняных сосудах (Рис. 15, 8-10). Один такой сосуд, украшенный спиралеобразным наклепным орнаментом, происходит из могильника Каменка III (Рис. 15, 3). Сюда же следует отнести и волютообразные фигуры на стенках и доньшке берестяного сосуда из Березовского могильника (Рис. 15, 4). Эти и другие подобные изображения образуют единый изобразительный пласт хуннского времени, распространённый повсеместно в местах владений хунну.